ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.su

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» (*F. Bacon*)

2/2019

Гражданская война: где начало?

6+

ВСѢ ОТЪ МАЛА до ВЕЛИКА ПОДНИМАЙТЕСЬ
НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ!!!

2/2019 В НОМЕРЕ

4 **ГЛАВНАЯ ТЕМА**

Гражданская война: где начало?

6 *Александр Горянин*
И пошел брат на брата...
Назвать точную дату начала российской Гражданской войны (вот до этого дня включительно её не было, а с этого уже началась) невозможно.

18 *Сергей Храмков*
Начало Гражданской войны в России
Два первых месяца большевистской власти, предшествующих разгону Учредительного собрания, уже ознаменовались беззаконием, преступлениями и вероломством.

26 *Зинаида Гиппиус*
Отрывки из «Петербургских дневников»
С воцарением большевиков стал исчезать человек как единица.

38 *Ирина Селезнёва*
1919 год в документах Богородского уездного революционного комитета
Новый революционный порядок разрушил сложившиеся хозяйственные связи, тем самым определив последующую разруху в России.

45 **НОВОСТИ НАУКИ**

47 **КОСМОС: РАЗГОВОРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ**

Дмитрий Вибе
Рождение звезд
В прошлом люди думали, что звёзды существуют вечно. Потом они стали считать, что все звезды зажглись одновременно и очень давно.

58 **НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ**

Борис Кантор
Кварц с белой полосой
Что за таинственная белая полоса пронизывает кристалл?

65 *Борис Жуков*
Теория эволюции и программа самоуничтожения
За полтораста лет своего существования идея эволюции на основе естественного отбора превратилась из гениальной догадки в глубоко проработанную научную теорию.

74 **ВО ВСЕМ МИРЕ**

76 **УЧИМСЯ ЧИТАТЬ**

Виктор Зайцев
Мнимый Чехов
Без попытки понять чеховский язык даже самый добросовестный читатель останется не с представлением о Чехове, а с представлением о собственном представлении, то есть с пресловутым «мнимым Чеховым».

82 **ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ**

Алексей Вырский
Последний морской министр Российской империи
Наследием Ивана Константиновича Григоровича можно считать большую часть флота, с которым Советский Союз встретил Великую Отечественную войну...

2/20**19** В НОМЕРЕ

92 **ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА**

Александр Волков
Что такое время?
Продолжаем разговор о феномене времени, начатый в январском номере журнала.

96 **В ФОКУСЕ ОТКРЫТИЙ**

Дела гравитационные

98 **РАЗМЫШЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ**

Борис Жуков
Боевая тля и тараканы в голове

99 **ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ**

101 **ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ**

Сергей Смирнов
Общество ученых королей
Оно оформилось в Лондоне в 1660 году… Так решили физики Роберт Бойль и Роберт Гук; математики Исаак Барроу и Джон Валлис; астроном Кристофер Рэн и ботаник Джон Рэй.

104 **ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ**

Татьяна Соловьева
Ценность винных бочек для науки
К открытию Иоганна Кеплера подтолкнуло наблюдение за действиями хозяина винной лавки, замерявшего вместимость винной бочки обыкновенной палкой с нанесенными на неё делениями.

106 **МИР ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

Галина Щапова
Столица дальних рубежей
История Владивостока уходит более чем на сотни лет назад, в далёкую эпоху. Когда на карте появился порт Владивосток, стало ясно: Россия приобрела то, что долго искала.

114 **ИСТОРИЯ ЦИЗИЛИЗАЦИЙ**

Виктор Горн
Путь воина
Бусидо предписывало: когда для выбора имеются два пути, самураю следует выбрать тот, который ведет к смерти.

119 **В ГЛУБЬ ВРЕМЕН**

Александр Голяндин
Мудрец и народ
Что же, в действительности, проповедовал Сократ?

123 **КАК МАЛО МЫ О НИХ ЗНАЕМ**

125 **ЮБИЛЕИ КРУГЛЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ**

128 **ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ**

Гражданская война. Где начало?

Если спросить историка, умудренного жизненным опытом и профессиональными знаниями, что в этом мире есть такого, что хуже, ужаснее войны, он ответит — война Гражданская, когда брат идет на брата, а сын на отца.
И не ошибется.
Первая мировая, вовлекшая в свою мясорубку тридцать восемь стран, восемьдесят процентов населения планеты (даже Китай поучаствовал в ней, поддержав Антанту), разрушившая четыре империи — Российскую, Германскую, Австро-Венгерскую, Османскую, — перекроившая карту мира и усеявшая трупами земли Европы, все же явилась для России лишь преддверием того ужаса, который ждал ее впереди — ибо на пороге уже маячила война Гражданская, сокрушившая сами устои существования нации — ее представления о добре и зле, пошатнувшая веру. Почему могла случиться и случилась такая беда? В чем ее истоки? Почему так, а не иначе развивались ключевые ее события? Вопросы — главные. Историки, философы, психологи пытаются найти ответы. Журнал отчасти затронул эти темы в минувшем году. В течение 2019 года мы постараемся представить читателю материалы, рассказывающие о разных событиях столетней давности.
В этом номере в центре внимания вопрос: где начало того национального бедствия, которым стала Гражданская война? В чем причины случившегося?

Великіе дни революціи.

Народъ и войска.

Народно - русская революція.

Александр ***Горянин***

И пошел брат на брата...

Назвать точную дату начала российской Гражданской войны (вот до этого дня включительно ее не было, а с этого уже началась) невозможно. В Приложении к Федеральному закону «О ветеранах» N 5-ФЗ от 12 января 1995 года содержится бестрепетное утверждение, что Гражданская война началась 23 февраля 1918 года и длилась по октябрь (спасибо, хоть не указано, по какое число) 1922 года. Красные историки 20-х годов, которые вели отсчет Гражданской войны сразу от Октябрьского переворота, не знали сомнений в исторической правоте большевистской революции и поэтому спокойно объединяли свой захват власти с началом величайшего раскола России и братоубийственной войны, тем обнажая причинно-следственную связь событий. А вот авторов закона «О ветеранах» это смутило. Видимо, они решили: начнем-ка ее на четыре месяца позже. Разница невелика, зато не обидим ветеранов КПСС, не надо, чтобы они чувствовали себя наследниками зачинщиков Гражданской войны.

Что же до 23 февраля, в советское время это был День Красной (позже «Советской») армии и Военно-морского флота, а в наши дни стал Днем защитника Отечества. Цепь недоразумений, ставшая причиной появления в 20-е годы этой праздничной даты, многократно описана, не будем повторяться. В 1938 году дата была закреплена в «Кратком курсе истории ВКП(б)» фразой о том, что в этот день «части молодой Красной Армии наголову разгромили германских интервентов под Псковом и Нарвой», что не отвечало истине. Нынче праздник объясняют тем, что именно в этот день в 1918 году началась массовая запись добровольцев в отряды РККА. К началу Гражданской войны этот день в любом случае отношения не имеет.

Порой натыкаешься на совсем уж убогие попытки начать отсчет Гражданской войны от так называемого «чехословацкого мятежа» в мае 1918 года. Странная хронология объясняется желанием уверить, что большевики не хотели гражданской войны, ее развязали те самые мятежники. На самом деле, в мае 1918 года Германия потребовала от РСФСР, соблюдая условия Брестского мира, разоружать и заключать в концлагеря военнослужащих стран Антанты, каковыми стали к тому времени бывшие чехословацкие пленные, перешедшие в подчинение французского командования. Большевики убоялись не подчиниться кайзеру, чехословаки с этим не согласились, продолжение известно. Но и без того уже воевали между собой Красная и Добровольческая армии; к маю 1918-го война шла, либо тлела в любой губернии, а то и уезде или даже волости. Счет ее жертв (начиная с массовых убийств в Петрограде и Кронштадте в дни свержения царя) шел к тому времен уже на десятки тысяч.

В. И. Ленин заявил о необходимости «превращения современной империалистской войны в гражданскую» уже в сентябре 1914 года в статье-декларации «Война и российская со-

---

Горянин Александр Борисович, исследователь Гражданской войны.

циал-демократия». О необходимости! Давайте вдумаемся. Революционером, в отличие от сторонника эволюционного пути, можно назвать только того, кто ставит перед собой задачу силового захвата власти. Встать у власти по итогам выборов у него нет шансов, остается ее захватить. В ленинском случае — захватить во имя цели, которая ему кажется неотразимо прекрасной: полностью пересоздать Россию или даже весь мир по рецептам немецких теоретиков предыдущего столетия.

Допустим, чудо случилось, звезды сошлись, судьба каким-то пируэтом вознесла «российскую социал-демократию» к власти, что дальше? Рассчитывать, что ей удастся искусством своей социальной логики убедить консервативного недоверчивого крестьянина, купца себе на уме, мастерового, предпринимателя, землевладельца, чье имение перезаложено в Крестьянском банке, донского казака, журналиста, горного инженера, генерала от инфантерии, университетского профессора, депутата Государственной Думы и поэта-декадента начать строить Новую Жизнь по исчислениям почтенных бородачей? От каждого по способностям, каждому по потребностям, без религиозного дурмана и эксплуатации человека человеком, без денег, на основе строжайшего учета, контроля и справедливого распределения?

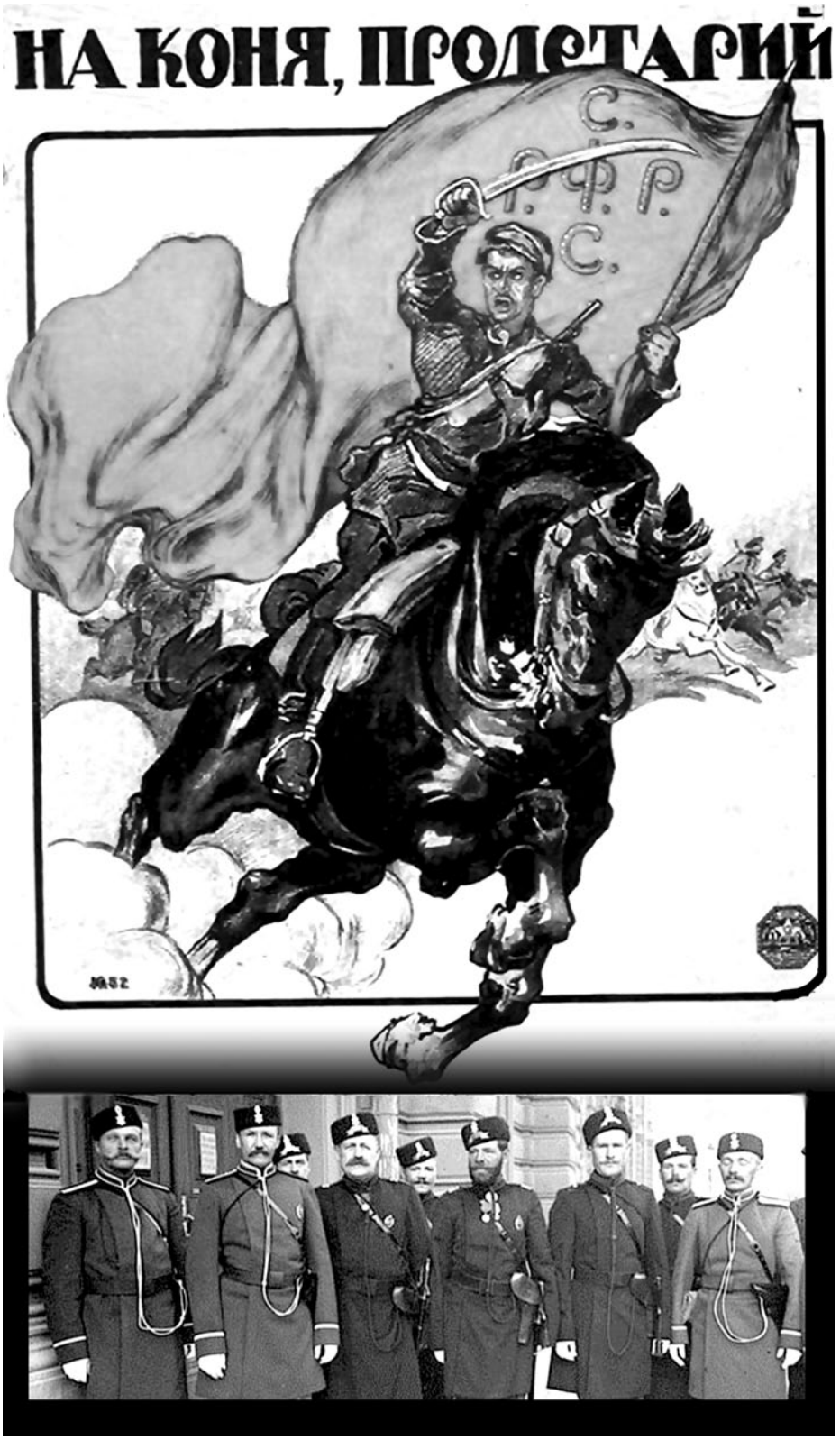
Общество, которое революционеры собрались спасать для его же блага, слишком косно, чтобы оценить, насколько прекрасен мир коммунизма. Это общество его отторгнет и поднимет на смех. Поэтому у Ленина с соратниками (или у одного Ленина) складывается печальный, но неизбежный вывод: привести всех к счастью можно только силой, с помощью очень долгого и жесткого принуждения. Сопротивление обязательно будет яростным, одолеть его сможет только беспощадный террор. Всё старое, капиталистическое, поповское, эксплуататорское, мироедское и дармоедское должно быть беспощадно сломано и брошено в очистительный огонь. Это и есть гражданская война. Да, трудный этап, его не обойти и не перепрыгнуть. Но уже поколение-другое спустя, в царстве наступившего счастья, все будут благодарить революционеров за их твердость, за их суровый подвиг. Конечно, предавать такой сценарий гласности даже в среде «своих» (слишком впечатлительных «своих») значило бы загубить замысел в зародыше.

Эффективность террора большевикам была известна не по слухам. Эсеры, их идейные двоюродные братья, пытались в 1905—1907 годах свалить власть, разжигая именно гражданскую войну. Власть тогда с трудом, но устояла, гражданская война была загашена, однако революционеры запомнили приобретенный опыт. Воздействие террора на мирное население было надежно испытано и осмыслено именно тогда. Этот аспект «первой русской революции» (именовавшейся, с подачи кадетов, «освободительным движением») был в те годы подробно освещен множеством столичных и провинциальных авторов, но почти весь этот массив свидетельств советские историки старались обходить как «обывательский». Дескать, «им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни, гром ударов их пугает».

Сторонник террора как средства, во-первых, перевоспитания народа после захвата революционерами власти и, во-вторых, как способа гарантированно упреждать любые попытки сопротивления, свысока относится к тем, для кого террор — просто лесенка к власти. Уж он-то знает, как могущественно старое, как оно, не будучи полностью выжжено, быстро пробьется наружу и удушит прекрасное новое.

С первых дней Мировой войны Ленин уже видит тот ход событий, который мог бы открыть шанс перед его скромной партией. 1 ноября 1914 года он пишет в газете «Социал-демократ», выходившей на русском языке в Женеве (тиражом в несколько сот экземпляров): «Превращение современной империалистской войны

ВЫ ЖЕРТВОЮ ЛАШИ...
МИРЪ ВСЕМУ
МІРУ
ВСЯ ВЛАСТЬ
НАРОДУ
ВСЯ ЗЕМЛЯ
НАРОДУ

НА КОНЯ, ПРОЛЕТАРИЙ
С.
Р.Ф.Р.
С.

в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг... Как бы ни казались велики трудности такого превращения, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении». И в тот же день в другой статье: «Долой поповски-сантиментальные и глупенькие воздыхания о мире во что бы ни стало! Поднимем знамя гражданской войны!».

Когда высказываешь шокирующую мысль, полезно намекнуть, что она давно известна. Ленин ссылается на опыт (провальный) Парижской коммуны 1871 года, на базельский манифест II Интернационала, гласивший, что надо использовать войну, буде она грянет, «для ускорения падения господства капитала».

Следующее откровение там же 8 месяцев спустя: «Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны, — невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению».

«Революция во время войны есть гражданская война». Вот оно! Зачем ждать, пока одна война «превратится» в другую, пусть две войны идут синхронно, надо разжигать гражданскую, одновременно содействуя поражению своей страны (и завоеванию ее войсками кайзера!).

В 1915 году большевики еще были достаточно слабой партией. «Содействовать поражению» они пока только учились. Это не отменяет того факта, что действия их активистов (призывы к поражению своей армии, возбуждение ненависти к правительству, натравливание солдат на офицеров, призывы к неподчинению, склонение солдат к дезертирству, подогревание социальной розни, распространение провокационных и подстрекательских слухов) в любом случае были равнозначны переходу на сторону врага в военное время, сошлюсь на выводы на историка С. В. Волкова, лучшего знатока вооруженных сил дореволюционной России.

Умный революционер никогда не откроет все карты. Обозначив по идеологической необходимости одну цель, он умолчит о другой. Опыт 1905—1907 годов показал, насколько ожесточенные формы «классовая борьба» при умелом ее разжигании может приобрести в деревне. Да, в конечном счете, всё решается в столицах и на фронтах, но и там, и там дело могут взять в свои руки крестьяне в шинелях, сравнительно быстро получающие вести из дома. Во время так называемой Первой русской революции (и уже разгоравшейся было гражданской войны) мир с Японией был заключен, к досаде революционеров, «слишком рано», летом 1905 года — когда армия еще никак не успевала стать революционной силой. Но урок управления настроем солдат через вести из дому был усвоен.

Что происходило в деревне в 1905—1907 годах? Массовые разгромы и грабежи усадеб в масштабах, неслыханных со времен Пугачёвщины. В Европейской России (без Закавказья) было отмечено 21 513 крестьянских выступлений, из них каждое третье выразилось в разгроме дворянской усадьбы. Самый высокий процент полностью разоренных усадеб пришелся на Саратовскую, Курскую, Тамбовскую, Черниговскую, Самарскую, Курляндскую и Лифляндскую губернии. Особенно активна была деревенская молодежь.

Всего один пример: в 1905 году неведомые провокаторы распустили среди местных крестьян слух, что сам царь велел каждому селу «в три дня» ограбить и сжечь ближайшее поместье. Жители Зубриловки (Саратовская губерния) с готовностью кинулись исполнять «царскую волю», практически полностью уничтожив усадьбу, помнившую Державина и Крылова. Причем награбленное добро не уцелело: после наведения порядка крестьяне, опасаясь обысков, принялись сжигать свои «трофеи», а всё тяжелое топили в реках и прудах.

Кто же были провокаторы, кто

распускал слухи, да еще от царского имени? Из полицейских рапортов известно: приезжие из городов, «социалисты». Как мы понимаем сегодня, скорее всего — эсеры. Но сочувствовали и другие партии. С трибуны Государственной Думы кадет Герценштейн с юмором (и в тональности «мы тут все свои») говорит об «иллюминациях дворянских усадеб».

Прошло несколько почти спокойных лет, но война вновь сделала ситуацию благоприятной для революционеров. Рост недовольства рабочего класса и горожан на протяжении 30 месяцев Первой мировой, до февраля 1917 года, изучен довольно прилежно, хоть и односторонне. Заметно хуже, лишь в общих чертах, изучена та «партизанская война между прессой и властью», которая, как писал без тени раскаяния в своих мемуарах кадет Гессен, «продолжалась с возрастающим ожесточением до самой революции». Что же касается темы захватов дворянских земель и нападений на усадьбы, возврат внимания историков к этой теме отмечен рубежом Февральского переворота и событиями «черного передела» в российской деревне вслед за большевистским «декретом о земле».

А зря. Вести о поджогах усадеб, ставшие после 1907 года достаточно редкими, к началу мировой войны вновь вернулись на страницы газет. Совпадение или нет, но буквально сразу после царского Манифеста от 20 июля (1 августа) 1914 года о вступлении России в войну с Германией и ее союзниками, крестьяне деревни Толстая (она же — Калиновая дубрава) Задонского уезда Воронежской губернии напали на усадьбу помещика Савельева и до прибытия отряда стражников из Задонска успели разорить ее практически полностью.

К данному инциденту это не относится, но уже в ближайшие месяцы главными зачинщиками беспорядков на селе станут дезертиры. Дезертирство превратилось в бедствие из-за крайне мягкого наказания за это воинское преступление. Дезертиром считался солдат, отсутствующий в части до шести (до трех в военное время) дней, но при этом состоящий на службе более трех месяцев. Тот же, кто трех месяцев еще не отслужил, имел «в запасе» 7 дней. Вдобавок, полноценное наказание дезертира ждало лишь по окончании войны, которое (в этом были убеждены все) непременно будет ознаменовано императорской амнистией. В ходе же войны большую часть дезертиров попросту отправляли обратно на фронт, не всегда под конвоем. Лишь за год до Февральского переворота были введены суровые (вплоть до расстрела) кары за дезертирство, но и те остались по большей части на бумаге.

Слухи, что царь готовит отмену дворянского землевладения и вся земля станет крестьянской, возникли вскоре после массовых мобилизаций и начала боев на западных границах империи. Возникли, скорее всего, стихийно. «Крестьянство почти сразу осознало весь размер и размах начавшейся войны; основание на земельные претензии было заложено лейтмотивом защиты Отечества всеми крестьянами страны» (М. В. Оськин. Крестьянство Центральной России в годы Первой мировой войны. 1914 — февраль 1917). Революционеры поддержали этот слух: пусть крестьяне крепче настроятся на земельную реформу — тем сильнее озлятся, когда их надежды рухнут. Агитаторы добавляли тревожные подробности, а солдаты повторяли их в письмах домой. Царь-де решил распределить между крестьянами строго по справедливости земли помещиков, купцов, «немцев» (людей с немецкими фамилиями), а также казенные земли, но его отговаривают жена-немка и генералы Ренненкампф и Эверт. Так что может ничего и не перепасть. А Эверт, говорят, улетел на аэроплане в Германию.

Будоражили деревню и загадочные городские провокаторы. 10 мая 1915 года начальник Тульского губернского жандармского управления сообщал в Департамент полиции: «В последнее время по губернии замечено, что из городских центров ездят разные люди с целью антиправитель-

ственной пропаганды между сельским населением». Неведомые агитаторы, солдаты в отпуске и дезертиры всё чаще начали внушать примерно следующее: члены семей воинов вправе бесплатно пользоваться помещичьей собственностью, особенно если помещик и его семья отсутствуют в деревне, живя где-то в городе. В этом случае помещичью землю следует признать «свободной». Но даже если помещик и его сыновья тоже на фронте, их служба легче — они офицеры, а крестьяне рядовые. Из чего делался «вывод о правовой вынужденности погромов и поджогов купеческих складов и дворянских усадеб» (М. В. Оськин).

Что и происходило, приобретая порой загадочный характер. В июле 1915-го русские газеты сообщали, что в Березине (Мозырский уезд) опустошительный пожар истребил 587 строений. «По аналогии с бывшими в течение предшествующих двух недель пожарами от поджогов, приписывают и этот огромный пожар поджогу, причины которого дознание, однако, пока не выяснило». Каков был смысл уничтожать то, что можно было присвоить, неясно. Возможно, это делалось в попытке раз и навсегда выкурить помещика (или помещиков), чтобы возвращаться им было просто некуда.

Слухи, царившие на селе в военные годы, были не без оттенков. Мол, после победы георгиевские кавалеры получат земли «вдвое» против остальных, но получат все. Или: помещики тоже получат землю, но в Сибири, и тоже «вдвое» против того, что у них было. Народ в этих слухах выделял главное (землю у помещиков отберут в любом случае) и привыкал к этой мысли. Зато если победит Вильгельм, он вернет всех крестьян обратно в крепостное состояние, поэтому сражаться надо что есть силы.

Селян возмущало продолжавшееся выделение «отрубов» для тех крестьян, что решили выйти из общины. Почти смирившись с этим в мирное время, теперь они срывали землеустроительные работы, нападали на землемеров, утверждая, что «выделенцы» нечестно пытаются получить лучшие земли в то время, когда половина общинников на фронте. Чтобы не усиливать напряжение на селе, Главное управление землеустройства и земледелия в июне 1915 года сочло за благо отложить процесс до конца войны.

Этот шаг был отступлением власти, крестьянство увидело, что может успешно давить на нее. Крестьяне-арендаторы массово отказываются продлевать аренду земли: зачем платить за аренду того, что завтра станет твоим. Землевладельцы, для которых арендная плата была главным источником существования, стали продавать землю за полцены — в основном тем же крестьянам. И всё это на фоне вестей о пожарах и разгромах имений то там, то здесь.

Крестьянство в целом было настроено безрадостно. Даже в маленьком селе хоть кто-то да выписывал газету, оппозиционные статьи и речи вызывали полное доверие — тут тыл не расходился с передовой, что подтверждают письма из окопов домой и обратно. Ход военных действий село оценивало мрачно, независимо от объективного положения дел. Российское крестьянство, невротизированное двумя с половиной годами потерь, ожиданий, обещаний, разочарований, тягот, слухов и всё не сбывающихся надежд, к февралю 1917 года уже, вероятно, не согласилось бы на меньшее, чем коренной земельный «передел» (от слова «переделить», то есть поделить заново) в свою пользу. Идея «Мы это заслужили своими жертвами» засела в массовом сознании, а у солдат на передовой появился страх не поспеть к переделу. Более мощный побудительный мотив покинуть фронт и прибыть в родные места с винтовкой и ящиком патронов трудно себе представить.

Наиболее опасный для народного спокойствия слух звучал так: землю после победы будут раздавать общинам, у «отрубников» и хуторян всё отнимут, а столыпинскую реформу отменят. Тут требуется пояснение. На начало Первой мировой общая пло-

щадь земли в единоличной собственности только в Европейской России, без прибалтийских губерний, достигла 16,6 млн. десятин (что равно 18,1 млн. гектаров). Этот крестьянский надел еще не успел сравняться с общинным (17,06 млн. десятин, или 18,6 млн. гектаров), но соотношение должно было вот-вот смениться на обратное. То есть, половину крестьян в шинелях начали, с одной стороны, терзать опасения, что их землю могут отобрать наряду с помещичьей, а с другой — греть надежды, что при всеобщем переделе у них есть законный и справедливый шанс увеличить имеющийся надел. Их теперь тянуло домой даже сильнее, чем солдат из крестьян-общинников. Агитация и слухи достигли цели, село было расколото, и каждая половина готова биться за «свое». Или вместе против внешней силы в лице государства. Речь, хочу напомнить, о 80% населения страны.

Историки, и это естественно, ищут предпосылки, сделавшие неизбежными те или иные великие события. Русская революция 1917 года — трудный случай в этом отношении. Авторитетный коллектив ученых признается*: «Попытки целого направления отечественной историографии (с 20-х и вплоть до 80-х годов включительно) определить «предпосылки» революции можно считать безуспешными. Зависимость между выделяемыми объективными и субъективными «предпосылками», с одной стороны, и масштабом, глубиной, результатами революции — с другой, выявить так и не удалось. Сама концепция «предпосылок» навязывала вывод о закономерности революции». Каковой закономерности не было. Февральский переворот 1917 года стал следствием нескольких злых воль и случайностей. Зато послужил неотменимой причиной Гражданской войны. Избежать ее после отречения царя 2 (15) марта 1917 года уже не было шанса.

К слову о предпосылках. Видимость революционных предпосылок усматривалась в начале XX века в большинстве стран. Но революции происходят не там, где много предпосылок, а там, где ангажированные историки раскопают их задним числом. Уж в российском случае точно.

Многие мемуаристы отмечали, что сразу после отречения Николая II в действующей армии резко сократилось число рядовых, подходивших к исповеди и причастию. Сотни тысяч солдат восприняли «отставку» царя как освобождение их от воинской присяги, которую они принесли Богу, царю и отечеству. Простые люди видели в присяге молитвенную клятву, нарушить которую означало попасть в ад. Теперь большинство из них сочло себя свободными от этой клятвы. Они ничего больше не должны не только царю, но и Богу. А нередко и отечеству. Солдаты, в чьих душах произошло крушение веры, дезертировали массами. Дезертиры сыграли важнейшую или даже решающую роль в событиях 1917 года.

Вместе с надеждой на победу растаяла и надежда на победные призы. А счастье было так возможно. Ни у кого не пришлось бы ничего отнимать, казенные земли состояли не только из лесов и неудобий (как уверяли злопыхатели), они включали миллионы десятин пригодной под пашню земли, и вчерашние фронтовики счастливы были бы получить ее бесплатно. Победа все окрашивает в иные цвета. «То, что мы застали в России, — это то, к чему шла Англия в 1918 году» (Герберт Уэллс. «Россия во мгле»). К счастью для Англии, она до этого не дошла. Россия же, по вине всего нескольких человек, дошла.

Всего полугодом раньше Ленин, похоже, примерял для России идеал Парижской коммуны (он питал к ней большую нежность). Как известно, немцы в марте 1871 года, разбив французскую армию, вошли в Париж. Но всего на три дня: Франция капитулировала, и немцы удалились. После чего, с точки зрения Ленина, началось главное: власть в столице взяло революционное правительство, та самая

* Боханов А. Н., Горинов М. М., Дмитриенко В. П.. История России. Т. 3. XX век. — М., 1996.